

THE CONTRIBUTION OF FUNCTIONAL SENTENCE PERSPECTIVE TO CHARACTER'S IMAGE CREATION IN FREE INDIRECT DISCOURSE¹

Abstract: *The article investigates functional sentence perspective (FSP) as a tool of implicit transfer of information about characters' inner world and values in the free indirect discourse of 'Dubliners' by James Joyce. It is demonstrated that FSP significantly contributes to character's image creation by emphasizing connotative-modal information, highlighting the elements important for the author's implications understanding, presenting new information as given, as well as placing additional emphasis on sentence topics (themes in terms of FSP).*

Keywords: *Joyce, free indirect discourse, functional sentence perspective, sentence topic (theme), comment (rheme).*

Несобственно-прямая речь (*фр.* le style indirect libre, discours indirect libre *англ.* free indirect discourse, narrated monologue, represented speech, psycho-narration, hybridisation, the initial style, *нем.* erlebte Rede) имеет давнюю традицию изучения в западноевропейской и отечественной лингвистике и литературоведении. Сущность несобственно-прямой речи (НПР), как известно, заключается во взаимодействии, взаимопроникновении речи автора и речи персонажа, «двуголосости» текста (Бахтин, 1975:117). НПР представляет собой такой синтез авторской и персональной речи, в результате которого повествование формально остается авторским, но содержание высказывания переносится в область мышления героя. Считается, что НПР используется для раскрытия внутренних переживаний персонажа, его мыслей и впечатлений от происходящего, а также для передачи отношения автора к героям. НПР в большей мере, чем прямая и косвенная речь, способна захватить читателя и держать его в напряжении. Данному виду повествования посвящена обширная литература (см., например, обзоры в Никитина, 2003; Борисова, 2010). Особое внимание в этом плане привлекают произведения Дж. Джойса, послужившие материалом исследования и в настоящей работе. Исследователи отмечают следующую особенность стиля этого автора: «In Joyce's works the characters almost always speak in individualized or even idiosyncratic ways, and the typically Joycean technique of the "initial style" is to have a third-person narrator borrow such a character's marked idiom. The traditional objectivity of the narrative voice of a prose novel is here suddenly blended with the subjectivity of fictional characters to such a degree that the reader is confused as to which viewpoint and which attitude belong to the narrator, the character and the author. There is no longer a stable authority to take the reader by the hand. Every utterance has become a (self-)deluding defamiliarisation of someone else's thoughts or speech" (Klitgård, 2004:320).

В работе изучается та разновидность НПР, которую Дж. Лич и М. Шорт, а вслед за ними и другие исследователи называют *свободной косвенной мыслью (free indirect thought (FIT))* (Leech, Short, 1981; McIntyre, Bellard-Thompson et al., 2004). Она демонстрируется на примерах типа: The wailing of the child pierced the drum of his ear. [FIT] *It was useless, useless! He was a prisoner for life* (Joyce, *A Little Cloud*). (Курсив наш – Т.А.) Свободная косвенная мысль (внутренний монолог) в наибольшей степени отражает недоступный для окружающих внутренний мир персонажа; при

¹ Tatiana Ashurbekova, Dagestan State University, Russia, tiashu@mail.ru.

этом автор художественного произведения как бы временно отстраняется, оставляя читателя наедине с героем. Для внутреннего монолога характерны особые правила последовательности времен и сочетания форм наклонений, вместо первого лица используется третье, сохраняется манера речи персонажа, свойственные ему словечки и выражения, а в синтаксисе отмечается частое использование вопросительных и восклицательных предложений (Арнольд, 1981:203). Цель настоящей работы – показать, что свободная косвенная мысль имеет также определенные особенности коммуникативной (тема-рематической) организации, способствующие созданию образа персонажа и достижению психологической убедительности повествования.

Прежде чем перейти к рассмотрению примеров, уместно сделать несколько предварительных замечаний относительно актуального членения (АЧ) как инструмента анализа текста. В лингвистике существует традиция толковать АЧ как категорию, обладающую определенной прагматической основой. Суть ее заключается в том, что при построении высказывания адресант информации (говорящий, пишущий) ориентируется на ее адресата (слушающего, читающего) при выборе исходных элементов высказывания (темы) и, вместе с тем, ведет его за собой при выборе сообщаемого (ремы). Знакомство с работами, в которых приводятся определения темы и ремы и соответствующий анализ материала, показывает, что среди лингвистов почти не существует разногласий в вопросе практического установления ремы, во всяком случае, ее ядра, как коммуникативно наиболее значимого содержания высказывания. Большинство лингвистов признает также существенность начальной позиции для установления темы. Наиболее спорным моментом является роль *данного* (*given*) в АЧ. В последнее время широко распространилось мнение об автономности коммуникативной и информационной структуры текста (см., например, Апресян, 1988; Селиверстова, Прозорова, 1992; Кобозева, 2000; Крылова, 2009). Очевидно, мнение это справедливо, если толковать *данное* широко, отождествляя его с известной (*known*) информацией, т.е. информацией, выводимой из контекста, ситуации и разделенного знания (*shared knowledge*) коммуникантов (Daneš, 1974). Однако так называемое *активизированное данное*, то знание, которое, по предположению говорящего, находится в сознании слушающего в момент произнесения высказывания (Чейф, 1982:281; Падучева 1985:114), играет, на наш взгляд, решающую роль в формировании тематического статуса элементов высказывания. Этот статус модифицируется в предложениях второй инстанции (*second instance level sentences*), все элементы которых являются данными, либо, по крайней мере, квазиданными (Firbas, 1979). Один из элементов предложения второй инстанции наделяется, согласно коммуникативному намерению говорящего, высокой степенью коммуникативной значимости, отмечаясь ударением и повышением тона (*акцентным выделением* с семантикой контраста в терминологии Т.М. Николаевой (Николаева, 1982)). Относительно коммуникативного статуса подобных элементов существуют различные взгляды. Не имея возможности рассмотреть их в рамках данной статьи, отметим, что наиболее приемлемой представляется та точка зрения, согласно которой контрастно выделенный элемент является ремой (Firbas, 1979).

Исследователи коммуникативной организации высказывания и текста приходят к выводу о том, что выбор того или иного актуального членения способствует созданию различных прагматических эффектов. Б.А. Ильиш убедительно продемонстрировал это, подвергнув анализу начало первой главы

романа Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол». Ему удалось показать, что выбранное автором актуальное членение заставляет читателя отождествлять себя с героем, смотреть на окружающее его глазами, что придает стилю Хемингуэя особую остроту и выразительность (Ильиш, 1969). В одном из более поздних исследований на материале полипредикативных предложений-абзацев из художественных произведений показано, что АЧ вносит вклад в достижение эффекта эмотивности (Коломийцева, 2011). В то же время приходится признать, что прагматический аспект выбора того или иного актуального членения применительно к различным функциональным стилям остается малоизученным.

Материалом для настоящего исследования послужили внутренние монологи персонажей рассказов из книги «Дублинцы» Дж. Джойса (Joyce, 1982). Сборник «Дублинцы», опубликованный в 1914 году, является первым зрелым произведением Джойса, в котором автор критически отобразил современное ему ирландское общество. В одном из своих писем Джойс признавался: “My intention was to write a chapter of the moral history of my country and I chose Dublin for the scene because that city seemed to me the centre of paralysis” (Fargnoly, Gillespie, 2006:46).

Рассмотрим следующий пример:

She stood up in a sudden impulse of terror. (1) *Escape!* (2) *She must escape!* (3) *Frank would save her.* (4) *He would give her life, perhaps love, too.* (5) *But she wanted to live.* (6) *Why should she be unhappy?* (7) *She had a right to happiness.* (8) *Frank would take her in his arms, fold her in his arms.* (9) *He would save her* (Eveline, p.66). (Здесь и далее курсив наш – Т.А.)

Приведенный пример является внутренним монологом молодой девушки, неудовлетворенной своим положением в семье отца и стоящей перед выбором: уехать за океан с молодым человеком, стать его женой, либо сдержать обещание, данное ею покойной матери, и, пожертвовав личным счастьем, заботиться об отце и младших детях. Поскольку, как отмечалось выше, НПР переносит читателя в область мышления персонажа, актуальное членение в данном виде повествования осуществляется от его лица. В коммуникативной организации приведенного внутреннего монолога обращает на себя внимание тесная смысловая связь рематических частей. Во втором предложении (П2) повторяется рема П1 (*escape*), но с новым модальным значением (*must escape*). Рема П3 – *would save* – каузативно связана с ремой *must escape*: бежать, чтобы спастись. В реме П4 *would give love, perhaps life, too* достаточно предсказуемо трактуется содержание ремы *would save*. В реме П5 – *wanted to live* – наблюдается транспозиция рематического *life* из П4, сообщается о желании Эвелин принять возможное избавление. Логическая связь ремы *wanted to live* и ремы П6 *why should she be unhappy* очевидна: жить для героини означает жить счастливо, быть защищенной, любимой, что подтверждается содержанием последующих рем: *had a right to happiness* (П7) и *would take in his arms, fold in his arms* (П8).

Следствием высокой степени контекстуальной спаянности внутреннего монолога является смещение центра тяжести с содержательно-фактуальной на коннотативно-модальную информативность его рем, в результате чего возникает образ наивной девушки, неспособной к трезвому рассуждению. Во внутреннем монологе раскрывается состояние напряженной душевной борьбы героини, ее колебаний, вызванных противоречием между чувством долга и желанием личного счастья. В конце рассказа Эвелин отказывается последовать за Фрэнком на корабль. О том, что этот акт не был результатом здравого рассуждения, а явился следствием

внутренней закрепощенности героини, ее неспособности разорвать пути привычного монотонного существования, свидетельствует, в том числе, и слабо выраженная коммуникативная расчлененность несобственно-прямой речи в конце рассказа :

All the seas of the world tumbled about her heart. He was drawing her into them: he would drown her. She gripped with both hands at the iron railing.

‘Come!’

No! No! No! It was impossible. Her hands clutched the iron in frenzy. Amid the seas she sent a cry of anguish.

‘Eveline! Evvy!’

He rushed beyond the barrier and called to her to follow. He was shouted at to go on, but he still called to her. She set her white face to him, passive, like a helpless animal. Her eyes gave him no sign of love or farewell or recognition (*ibid.*, p. 67).

Рассмотрим далее внутренний монолог героя рассказа «Мертвые», считающегося шедевром англоязычной новеллистики XX века. Габриэль Конрой, известный в Дублине педагог и журналист, приезжает на бал в дом своих родственниц в прекрасном расположении духа. Раздеться в прихожей ему помогает молодая горничная, которую он давно знает:

‘Tell me, Lily,’ he said in a friendly tone, ‘do you still go to school?’

‘O no, sir,’ she answered. ‘I’m done schooling this year and more.’

‘O, then,’ said Gabriel gaily, ‘I suppose we’ll be going to your wedding one of these fine days with your young man, eh?’

The girl glanced back at him over her shoulder and said with great bitterness:

‘The men that is now is only all palaver and what they can get out of you.’

Gabriel coloured, as if he felt he had made a mistake and, without looking at her, kicked off his galoshes and flicked actively with his muffler at his patent-leather shoes (*The Dead*, p. 181).

Нежелание девушки принять игривый тон, ее неожиданный ответ поколебали в Габриэле уверенность в своем знании людей. Выведенному из состояния душевного равновесия герою начинает казаться, что речь, которую он приготовил для праздничного застолья, не будет понята гостями:

The indelicate clacking of the men’s heels and the shuffling of their soles reminded him that their grade of culture differed from his. (1) He would only make himself *ridiculous* by quoting poetry to them (2) which they could not understand. (3) They would think he was airing his superior education. (4) He would *fail* with them (5) just as he had failed with the girl in the pantry. (6) He had taken up a *wrong tone*. (7) His whole speech was a *mistake* from first to last, *an utter failure* (*ibid.*, p.182).

В приведенном примере рематические фокусы (коммуникативные центры) *ridiculous*, *was airing*, *fail*, *a mistake*, *wrong tone*, *an utter failure* с отрицательными эмотивными и оценочными коннотациями являются ключом к раскрытию подтекста внутреннего монолога. Автор имплицитно характеризует героя как человека, для которого высокое мнение о нем окружающих чрезвычайно важно, но не потому, что Конрой его ценит: оно просто является источником, питающим его самолюбие. Данный внутренний монолог является началом разоблачения автором социальной и человеческой несостоятельности героя. В одном из последующих вкраплений несобственно-прямой речи в текст рассказа в рематическом фокусе вновь оказывается слово *ridiculous* (П4), настойчиво подчеркивающее значимость внешних приличий в системе ценностей героя:

... Gabriel tried to banish from his mind all memory of the unpleasant incident with Miss Ivors. (1) Of course *the girl, or woman, or whatever she was*, was an enthusiast, but there was a time *for all things*. (2) Perhaps *he ought not to have answered her like that*. (3) But *she* had no right to call him a West Briton before people, even in joke. (4) *She* had tried to make *him* ridiculous before people, *heckling him and staring at him with her rabbit's eyes* (*ibid.*, pp. 191-192).

Следует также обратить внимание и на другие характеризующие особенности АЧ в вышеприведенном примере. К ним относятся, в частности, многокомпонентность и пропозициональный характер тем (выделены курсивом) и относительная краткость рематических частей (ср. обратную ситуацию во внутреннем монологе Эвелин), а также способ номинации тематических элементов. Габриэль как человек с аналитическим складом ума подводит базу свои суждения и оценки, однако не может подавить свое раздражение, которое проявляется в отрицательных оценочных коннотациях тематических элементов: *the girl, or woman or whatever she was; heckling; staring with her rabbit's eyes*.

Характеризующий подтекст произведения может проявляться через сопоставление содержания элементов НПР, помещенных в рематический фокус, с содержанием всего рассказа. В качестве примера приведем размышления г-жи Муни, хозяйки пансиона с сомнительной репутацией, намеревающейся женить одного из квартирантов на своей дочери:

She was sure she would win. (1) To begin with, she had all the weight of *social opinion* on her side: (2) she was an *outraged mother*. (3) She had allowed him to live beneath her roof, assuming that he was *a man of honour*, and he had simply abused her hospitality (*The Boarding House*, p.86).

В предшествующем авторском повествовании г-жа Муни характеризуется как женщина не слишком щепетильная в вопросах морали. Коммуникативные центры *social opinion, outraged mother, a man of honour* привлекают внимание читателя к другой важнейшей черте г-жи Муни – ее лицемерию: рассчитывая на сочувствие общества, на деле она пренебрегает его мнением; она говорит о себе как о разгневанной матери, хотя роман дочери с квартирантом протекал при ее молчаливом одобрении; за словами о разборчивости в выборе квартирантов кроется корыстолюбие и расчет.

Характер смысловых отношений между ремами во внутреннем монологе оказывает определенное влияние и на функциональный статус соотнесенных с данными ремами тем. В следующем отрывке, передающем дальнейший ход размышлений г-жи Муни, отношения контрастного противопоставления между ремами *all very well : has to bear the brunt, content to patch up for a sum of money :: would not do so* распространяются и на тематические элементы *the man, the girl, some mothers, she*:

There must be reparation made in such case. It is all very well for *the man*: he can go his way as if nothing has happened, having had his moment of pleasure, but *the girl* has to bear the brunt. *Some mothers* would be content to patch up such an affair for a sum of money; she had known cases of it. But *she* would not do so. For her only one reparation could make up for the loss of her daughter's honour: marriage (*ibid.*, p.87).

В приведенном примере выделенные тематические элементы являются более акцентированными, чем «обычные» темы. Такая особенность коммуникативной организации несет, на наш взгляд, содержательную нагрузку, подчеркивая определенность позиции г-жи Муни, решительность ее намерений.

Посредством актуального членения может также раскрываться динамика нравственно-психологического состояния героя. В рассказе «Прискорбный случай» (“A Painful Case”) описывается реакция Джеймса Даффи, прототипом которого является брат автора Станислав (Fargnoly, Gillespie, 2006:66), на газетную заметку о трагической гибели оставленной им женщины:

The threadbare phrases, the inane expressions of sympathy, the cautious words of a reporter won over to conceal the details of a commonplace vulgar death attacked his stomach. Not merely had she degraded *herself*; she had degraded *him* (A Painful Case, pp.127-128).

Поскольку элементы сферы данного *herself* и *him* являются носителями контрастного удара, они рематичны. Информация, заключенная в темах *had she degraded* и *she had degraded*, является новой для читателя, однако преподносится под видом данной: для Даффи предосудительность состояния и поступков женщины очевидна. Описав далее последовавшие действия Даффи и внешние проявления его взволнованности происшедшим, Джойс вновь обращается к НПП:

He began to feel ill at ease. He asked himself what else could he have done. (1) He could not have carried on a comedy of deception with her; (2) he could not have lived with her openly. (3) He had done what seemed to him best. (4) How *was he to blame*? (*ibid.*, p.128)

Из внутреннего монолога видно, что Даффи от безоговорочного осуждения женщины перешел к попытке оправдать себя: мысль о собственной вине уже мучит героя. Это, в частности, явствует из коммуникативной структуры П4, где сочетание *he to blame* преподносится как данное, тематическое. Из последующего внутреннего монолога, где тематическими, коммуникативно исходными являются сочетания *he withheld life from her* (П1) и *he sentenced her to deaf* (П2), читатель видит, что Даффи осуждает себя как непосредственного виновника гибели женщины:

At moments he seemed to feel her voice touch his ear, her hand touch his. He stood still to listen. (1) Why had he withheld life from her? (2) Why had he sentenced her to deaf? (*ibid.*, p.129)

В рассказе не дается полной картины душевной борьбы Даффи - посредством АЧ отмечаются лишь ее основные этапы: осуждение другого человека – мысль о собственной вине – осуждение себя самого. Автор полагается на духовный опыт самого читателя, на его способность понять, что должно было совершиться в человеке, чтобы он перешел от состояния самодовольного покоя к пониманию того, что он стоит у края духовной бездны.

Подытоживая вышеизложенное, отметим, что актуальное членение в исследуемой разновидности несобственно-прямой речи может рассматриваться как одно из проявлений авторской эмпатии, т.е. способности создателя литературного произведения «представить себя на месте другого человека и понять его чувства, желания, идеи и поступки» (Щирова, Гончарова, 2007:179). Анализ темарематической организации свободной косвенной мысли свидетельствует о заметном вкладе АЧ в создание образа персонажа художественного произведения. Перенос акцента с содержательно-фактуальной на коннотативно-модальную информативность ремы, помещение в рематический фокус элементов существенных для раскрытия характеризующего подтекста произведения, дополнительное акцентирование тематических элементов, представление как коммуникативно исходного, тематического, содержания нового для читателя - вот те средства, с помощью которых передается имплицитная информация о внутреннем состоянии,

нравственных качествах, духовных приоритетах героев художественного произведения. Неявная передача такой информации приводит к тому, что внимательный читатель сам делает соответствующие выводы, чем достигается особая убедительность повествования в форме несобственно-прямой речи.

References

- Апресян Ю.Д., М., 1988, «Типы коммуникативной информации для толкового словаря», *Язык: система и функционирование*, 10-22.
- Арнольд И.В., 1981, *Стилистика современного английского языка*. М., Просвещение.
- Бахтин М.М., 1975, *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет*. М., Худ. лит.
- Борисова Е.С., 2010, «Исследование несобственно-прямой речи в итальянистике в 1920 – 1960-е гг.», *Известия Уральского государственного университета*, сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры, т. 75, №2, 232-241.
- Ильиш Б.А., Л., 1969, «Об актуальном членении предложения», *Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та*, т. 352, 27-33.
- Кобозева И.М., 2000, *Лингвистическая семантика*. М., Эдиториал УРСС.
- Коломийцева А.С., 2011, «Коммуникативно-прагматический потенциал полипредикативных сложных предложений-абзацев как единиц текста», *Культурная жизнь Юга России*, №1(39), 74-77.
- Крылова О.В., М., 2009, «Актуальное членение предложения», *Большая Российская энциклопедия*, т. 1, 373-373.
- Никитина Т.Г. 2003, *Лингвопоэтический анализ авторской модальности в произведении художественной литературы (на материале рассказов Дж. Джойса «Дублинцы»)*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук., Самара.
- Николаева Т.М., 1982, *Семантика акцентного выделения*. М., Наука.
- Падучева Е.В., 1985, *Высказывание и его соотносительность с действительностью*. М., Наука.
- Селиверстова О.Н., Прозорова Л.А., СПб., 1992, «Коммуникативная перспектива высказывания», *Теория функциональной грамматики. Субъективность. Объективность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность*, 189-231.
- Чейф У., М., 1982, «Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения», *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. 11, 277-316.
- Щирова И.А., Гончарова Е.Н., 2007, *Многомерность текста: понимание и интерпретация*. СПб., ООО «Книжный Дом».
- Daneš, František., Prague, 1974, “Functional sentence perspective and the organization of the text”, *Papers on functional sentence perspective*, 106-128.
- Fargnoly, A. Nicolas and Michael Patrick Gillespie, 2006, *Critical companion to James Joyce: A literary reference to his life and work*. N.Y., Fact and File.
- Firbas, Jan, Brno, 1979, «A functional view of ‘ordo naturalis’», *Brno studies in English*, vol. 13, 29-59.
- Joyce, James, 1982, *Dubliners. A Portrait of the Artist as a Young Man*. Moscow, Progress Publishers.
- Klitgård, Ida, 2004, “Dual voice and dual style: translating free indirect discourse in *Ulysses*”, *Nordic Journal of English Studies*. Vol. 3, No. 3, 319-345.
- Leech, Geoffrey N. and Michael H. Short, 1981, *Style in fiction*. London, Longman.
- McIntyre, Dan, Carol Bellard-Thompson, John Heywood, Tony McEnroy, Elena Semino and Mick Short, 2004, “Investigating the presentation of speech, writing and thought in spoken British English: A corpus-based approach”, *ICAME Journal*, No. 28, 49-76.